

УДК 343

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ И
ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УЛОЖЕНИЮ 1845 ГОДА****Упоров Иван Владимирович,**

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация

В 1845 г. в Российской империи было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Это Уложение представляло собой выделенные в качестве самостоятельного акта уголовно-правовые нормы, которые содержались в Своде законов РИ 1832 г, но - в значительно более объемном и усовершенствованном виде, причем по структуре в привычном представлении уголовного закона в настоящее время. В статье сделан обзор двух разделов Уложения (четвертого и пятого), в которых регулируется ответственность за совершение преступлений против порядка управления и за должностные преступления. Отмечается, что многие нормы формулировались в громоздкой казуальной форме, а по своему содержанию составы преступлений в указанных разделах были направлены на охрану существующего тогда политического строя (в виде абсолютной монархии), соответственно законодатель предусматривал достаточно жесткие наказания за такие преступления.

Ключевые слова: уложение, преступление, наказание, неповиновение. властям, лихоимство, Свод законов.

**CRIMES AGAINST ADMINISTRATIVE ORDER AND OFFICIAL CRIMES
ACCORDING TO THE 1845 CODE****Uporov I. V.,**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,

Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

uporov@list.ru

ABSTRACT

In 1845, the Code of Criminal and Correctional Punishments was issued in the Russian Empire. This Code represented the criminal law provisions of the 1832 Code of Laws of the Russian Empire, separated into a separate act, but in a significantly more comprehensive and streamlined form. Its structure, however, closely resembles that of today's conventional criminal law. This article provides an overview of two sections of the Code (sections four and five), which regulate liability for crimes against administrative order and official misconduct. It is noted that many

norms were formulated in a cumbersome, casual manner, and the content of the crimes in these sections was aimed at protecting the then-existing political system (an absolute monarchy). Accordingly, the legislature provided sufficient punishment for such crimes.

Keywords: code, crime, punishment, disobedience to authority, extortion, Code of Laws.

Системное регулирование уголовно-правовых отношений (как во многих других сферах) в истории российского права началось с систематизации российского законодательства, завершившейся, как известно, изданием в 1832 г. 15-томного Свода законов Российской империи. И вот завершающий том (т.15) общего Свода представлял собой Свод законов уголовных [1]. Это был закон, структурно выстроенный уже по привычной в настоящее время юридической технике. Однако при этом нужно иметь в виду, что первоначально Свод законов уголовных состоял из двух книг: первая включала собственно уголовные законы, а вторая – уголовно-процессуальные. Несколько позже законодатель выделил уголовно-правовые нормы в самостоятельный и очень объемный закон в виде Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. [2] (далее – Уложение), которое затем было включено в общий Свод законов Российской империи в тот же т.15. При этом нужно иметь в виду, что в Уложении предусматривается, если использовать современную терминологию, ответственность не только за общественно-опасные деяния (преступления), но и за административные правонарушения (проступки).

В Уложении были выделены общая и особенная части уголовного права, даны понятия преступления, форм вины, видов соучастия и многих других институтов, здесь были уже более четкие формулировки, определения по сравнению с ранее действовавшими законами [3]. Вместе с тем преодолеть архаизм прежнего законодательства не удалось, и в основном потому, что составители брали за основу Полное собрание законов Российской империи, в котором, в свою очередь, содержались ссылки на прежние правовые акты, в том числе, в частности, на нормы Артикул воинский 1715 г. и даже Соборного уложения 1649 г. Это касается и регулирования составов рассматриваемых здесь преступлений против порядка управления. В Уложении Раздел третий посвящен государственным преступлениям («О преступлениях государственных»), имеющим ярко выраженный политический характер (злоумышление против священной особы императорского величества и членов императорского дома, бунт и измена против государя и государства и другие деяния, направленные против государства и на ниспровержение или подрыв существовавшего политического строя). Здесь же речь идет преступлениях против порядка управления, некоторые из которых весьма близко подходят к составам преступлений против государства, а также о должностных нарушениях. Эти составы преступлений отрегулированы довольно подробно, что отражало в определенной степени кризисные явления в социально-экономической сфере, что проявлялось, в частности, в значительном количестве должностных правонарушений [4].

Сначала сделаем обзор Раздела четвертого Уложения - **«О преступлениях и проступках против порядка управления»**, при этом внимание сосредоточивается на преступлениях, а не на проступках. Сначала определялись составы «поношения присутственных мест и должностных лиц», «препятствия в обнародовании законов». Затем устанавливались наказания за сочинение и «распубликование» подложных указов, распространение вредных слухов, пасквилей и подметных писем. И только после указанных шли наиболее опасные деяния – непослушание и сопротивление властям, запрещенные сходбища, незаконные и тайные общества, незаконное оставление отечества, взлом тюрем, незаконное освобождение преступников и возмущение против законом установленных вла-

стей. В этом контексте можно говорить об определенных недостатках структурирования Уложения, имея в виду, что Раздел четвертый Уложения объединяет самые разные по значимости и опасности составы преступлений. В него включены деяния, противные порядку управления вообще, неповиновение власти, сопротивление распоряжениям правительства, создание противозаконных обществ, неповиновение законным постановлениям, распоряжениям и требованиям властей, самовольный захват власти и проявление к ней неуважения и многое другое. В этом же разделе содержатся преступные деяния, препятствующие осуществлению правосудия и деятельности полицейских властей.

Но при этом преступные деяния, направленные против порядка управления, совершенные должностными лицами, чиновниками, входят в другой раздел Уложения - «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». При этом система расположения материала лишена достаточной четкости. Так, важная с точки зрения законодательства глава об ответственности за создание противоправительственных обществ дана не в начале раздела, как этого можно было ожидать, а после главы о похищении документов и прочего из присутственных мест. Если обратиться к конкретным составом, но, например, в ст. 283-290 главы I Раздела четвертого Уложения определяются наказания за массовые беспорядки. Закон требовал самого жестокого наказания для главных виновных (в преступлениях, совершенных без предварительного сговора) и для зачинщиков и подстрекателей заранее подготовленных выступлений. Ответственность устанавливается и за восстание с намерением воспрепятствовать обнародованию постановлений и распоряжений правительства, или не допустить исполнение этих постановлений, или принудить власти к совершению незаконных действий. Закон предусматривает умышленную форму вины. Наказание для главных виновных, зачинщиков и подстрекателей - лишение всех прав состояния и каторга (для лиц, не изъятых от телесных наказаний, - плети без определения числа ударов). Для других участников наказания несколько мягче (например, лишение всех особенных, как лично, так и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь, с заключением от 2 до 3 лет, с применением телесных наказаний; заключение в смирительном доме от шести месяцев до одного года и некоторые другие [5]). Разница в наказаниях, как видно, довольно существенна.

В такого рода сложных, громоздко-казуальных формах сформулированы и другие рассматриваемые составы преступлений против порядка управления. Нечеткость формулировок закона давала судебным-административным органам широкие возможности выбора той или иной репрессии. Диспозиция ст. 288 приравнивает к восстанию против властей и всякое выступление крепостных крестьян против помещиков, а государственных крестьян - против органов сельского управления. В случае (ст. 289), если восстание против властей имело своим последствием причинение смерти или поджог, виновные подвергались самому тяжкому после смертной казни наказанию - лишению всех прав состояния и бессрочной каторге, а для лиц, не изъятых от наказаний телесных, - еще и наказанию плетью и клеймению. Но при этом закон освобождал от ответственности участников противодействия властям, подчинившихся требованию властей прекратить выступление. Это положение не распространялось на зачинщиков и подстрекателей. Составы ст.296-297 устанавливали наказание за подстрекательство к противодействию и сопротивлению властям.

В следующей Главе II Раздела четвертого содержались нормы, свидетельствующие о значительно возросшей по сравнению с предшествующим законодательством уголовно-правовой охране бюрократического и полицейского аппарата России. Власть усматривала в неповиновении требованиям чиновников, в том числе полицейским, проявление антиправительственных настроений. Видимо, в связи с этим настоящая глава была

включена в раздел о преступлениях против порядка управления. Но в главе содержатся преступления очень разные по тяжести и значимости их. Так, в ст. 301 формулируется хорошо известный законодательству России состав преступления – порча, уничтожение, искажение правительственных указов. Наказание устанавливалось в зависимости от того, совершены ли действия умышленно или без умысла (в пьянстве, по невежеству). Как тяжкое преступление против порядка управления рассматривалось повреждение гербов и официальных надписей, памятников (ст. 302, 303). Особый состав преступления (наказываемый значительно мягче по сравнению с вышеуказанными) – срыв и истребление объявлений местного начальства и полиции (ст. 304). Эти и другие статьи в Главе II составлены казуально. Тяжесть наказания зависела от предмета преступления, большей или меньшей значимости подделанного или исправленного документа. В качестве субъекта преступления закон указывает частных лиц, а не чиновников, не должностных лиц государства. Последние за подделку документов (подлог) отвечали по статьям, включенным в Раздел пятый Уложения – «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

В Главе IV рассматриваемого Раздела четвертого Уложения определены очень разные по составам преступления, причем статьи сформулированы крайне казуально. Так, ст. 330 устанавливает наказание за похищение или истребление официальных бумаг или вещественных доказательств, произведенные с целью затруднить проведение следствия. Если документы, вещественные доказательства относились к преступлению, за которое закон устанавливал наиболее тяжкое наказание (лишение всех прав состояния), то содеянное должно было рассматриваться как соучастие, пособничество совершению этого преступления, а не как самостоятельный состав преступления. Соответственно увеличивалось и наказание. Диспозиции ст. 347-353 Главы VI посвящены ответственности за создание и участие в разного рода тайных обществах. Наказывались и основатели обществ, и члены их, а также лица, знавшие и не сообщавшие о них правительству. Необходимость усиления борьбы с тайными обществами привела к принятию в марте 1867 г. нового закона о тайных обществах [6], который, с одной стороны, более четко, а с другой – более широко сформулировал ответственность за создание обществ, имевших не только политический, но и социальный, нигилистический, атеистический характер. Еще отметим, что ответственность за нарушение установленного в России разрешительного порядка выезда за границу определялась в Глава VII Раздела четвертого. Так, ст. 357 карала подстрекательство к переселению за границу.

Следующий раздел Уложения – Раздел пятый «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» устанавливает ответственность за должностные нарушения, в том числе за самоуправство и др. [7, с. 147] Здесь также внимание будет сосредоточено не на проступках, а на должностных преступлениях. Общим объектом посягательства такого рода правонарушений в уголовно-правовой науке признается установленная в законодательством деятельность государственного аппарата. У русских дореволюционных криминалистов не было единства взглядов по этому вопросу. В первой половине XIX в. большинство юристов, как русских, так и западноевропейских, в качестве объекта должностных преступлений усматривали служебный долг. Видимо, и составители Уложения стояли на тех же позициях. Об этом, в частности, свидетельствует объединение в одном разделе должностных преступлений и дисциплинарных проступков. Данный Раздел Уложения открывался составом преступления (ст. 358), устанавливающим ответственность должностных лиц за неисполнение распоряжений императорской власти независимо от того, какой характер – законодательный, исполнительно-распорядительный или судебный, общий или частный – они носили. Под выражением «неприведение в исполнение» понималось действие или, как правило, бездействие должностных лиц, выразившееся в

волоките, а также в прямом или косвенном отказе от исполнения. Для определения наказания имело значение наличие не только умысла, но и цели преступления.

Превышение власти только тогда представляло собой самостоятельный состав преступления, когда оно не было соединено с другим, строже наказуемым деянием, как должностным, так и общим, например, взяточничеством или изнасилованием. Общее указание на эту норму содержалось в ст. 371, а уточнение применительно к нанесению телесных повреждений, оскорблений и другим преступлениям – в ст. 375–377. Субъектом превышения власти могло быть только то должностное лицо, которое таковой властью обладало. Следовательно, не могли быть привлечены к ответственности за это преступление канцелярские служащие, например писцы или курьеры. В ст. 385 предусматривалась ответственность, в частности, за противозаконное промедление в отсылке вверенных по службе денег или иного имущества, которые подлежали приему, хранению и расходованию в указанном законом порядке, например должны были записываться в приходно-расходную книгу, при условии, что это входило в служебные обязанности виновного лица. Если же деньги были не только несвоевременно оприходованы или отправлены, но и получены незаконно, то такие действия подлежали квалификации по статьям о превышении власти.

В Главе VI данного Раздела Уложения речь шла о взяточничестве. В ст. 401 мздоимство предстает в двух видах: в ч. 1 – как подкуп и в ч. 11 – как вознаграждение. Последнее ранее в русском уголовном праве не преследовалось. Относительно того, должно ли преследоваться лихоимство в форме вознаграждения, в литературе были высказаны разные мнения. В.Н. Ширяев полагал, что для лихоимства не имело значения не только время получения подарка, но и время обещания подарка, так как «лицо, учиняя или допуская что-либо противное обязанностям службы, ожидает, что оно будет вознаграждено так или иначе, лично или посредственно. Такое ожидание награды в будущем, особенно основанное на прошлом опыте, представляет явление заурядное при взяточничестве-вознаграждении» [8, с. 432]. Другие авторы, комментируя статьи Уложения, полагали, что при отсутствии в Уложении прямого указания на взятку-вознаграждение при нарушении служебных обязанностей, полагать это деяние как вознаграждение со значительно меньшей ответственностью [9, с. 231; 10, с. 671]. На этом примере хорошо видно, что казуистичность, присущая Уложению, приводила не только к излишним повторам, дублированию и мелочной детализации, но и к существенным пробелам в законе.

Как видно, Уложение, хотя и делало шаг вперед в регулировании составов преступлений в рассматриваемых Разделах четвертом и пятом (это касалось, впрочем, и других разделов Уложения), тем не менее содержало немало казуистических, громоздких и противоречивых норм. Это можно объяснить, очевидно, тем, что в первой половине XIX в. суд в России не был отделен от администрации, широкие судебные полномочия имели органы полиции и политического сыска. Кроме того, как отмечается в литературе, был сохранен карательный характер правосудия [11, с. 36]. В целом же в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных нашла отражение более углубленная и расширенная систематизация уголовно-правовых норм, в частности, были выделены разделы и главы, где отдельно обобщались составы преступлений собственно против политической власти (бунты, восстания и др.), против порядка управления, должностные преступления и т.д. По своему содержанию составы преступлений в указанных разделах были направлены на охрану существующего строя (абсолютной монархии), при этом предусматривались достаточно жесткие наказания.

Список литературы:

1. Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 15.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845г. // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15.
3. Скреля К.Ю. Из истории законодательной мысли - анализ "Уложения о наказаниях уголовных и исправительных" от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. № 3. С. 3-16.
4. Упоров И.В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 41-44.
5. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития: монография. Санкт-Петербург, 2004.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О противозаконных сообществах» от 27.03.1867 г. // ПСЗ-2. № 44402.
7. Примов Д.Р. Особенности развития уголовно-правовой нормы о самоуправстве в «уложенческий» период // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 143-149.
8. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.
9. Эстрин Я. Взятничество в доктрине и законодательстве // Труды кружка уголовного права при С.-Петербургском университете. СПб., 1913. С.225-240.
10. Рабинович Н.В. О наказуемости взяточничества и лиходействия // Право. 1916. № 11. С. 662-676.
11. Харин И.В. Уголовная ответственность за преступления против государства в России XIX – нач. XX вв. // Вопросы российской юстиции. 2025. № 38. С. 25-39.

References:

1. Code of Criminal Laws // Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1832, Vol. 15.
2. Code of Criminal and Correctional Punishments of August 15, 1845 // Code of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1857, Vol. 15.
3. Skrelya K. Yu. From the History of Legislative Thought - Analysis of the "Code of Criminal and Correctional Punishments" of 1845 // Scientific Bulletin of Crimea. 2019. No. 3. pp. 3-16.
4. Uporov I.V. Global Economic Crisis and Crime Statistics in Russia // Society and Law. 2009. No. 5 (27). pp. 41-44.
5. Uporov I.V. Penitentiary Policy of Russia in the 18th-20th Centuries: A Historical and Legal Analysis of Development Trends: Monograph. St. Petersburg, 2004.
6. Supremely approved opinion of the State Council "On Unlawful Communities" dated March 27, 1867 // PSZ-2. No. 44402.
7. Primov, D.R. Features of the Development of the Criminal-Law Norm on Arbitrariness in the "Ulozhechye" Period // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 6. pp. 143-149.
8. Shiryaev, V.N. Bribery and Extortion in Connection with the General Doctrine of Official Crimes. Yaroslavl, 1916.

9. Estrin, Ya. Bribery in Doctrine and Legislation // Works of the Criminal Law Circle at St. Petersburg University. St. Petersburg, 1913. pp. 225-240.
10. Rabinovich N.V. On the Punishability of Bribery and Corruption // Pravo. 1916. No. 11. pp. 662-676.
11. Kharin I.V. Criminal Liability for Crimes against the State in Russia in the 19th – Early 20th Centuries // Issues of Russian Justice. 2025. No. 38. pp. 25-39.